

The background of the cover is a dramatic, high-contrast image. It depicts a dark, rocky landscape, possibly a cave or a desolate planet surface. In the center, a bright, swirling blue and white light effect, resembling a tunnel or a vortex, draws the eye towards the top. A figure in a dark, futuristic suit with a helmet and a backpack is seen from behind, standing on a dark path that leads into the swirling light. The overall mood is mysterious and sci-fi.

Александр Восьмой

Книга 10. «Золото Прошлого»

18+

Александр Восьмой

Книга 10. «Золото Прошлого»

<https://litres.ru/74457559>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лидер пиратов вынужден выбирать между долгом перед командой и личной клятвой, данной много лет назад. Его решение определит судьбу флота и его собственное место в истории. Эпичность — в моральной дилемме, где правильный выбор может оказаться самым болезненным.

Александр Восьмой

Книга 10. «Золото Прошлого»

Глава 1. Пепел на губах звёзд

Тени скользили по переборкам, будто сами стены шептали о беде. Кальдера-9 висела в пустоте — угрюмый шар из пепла и руды, ошетилившийся турелями. Барк «Клык кометы» нырнул в мёртвую зону, и команда действовала как единый механизм: выстрелы, стыковка, захват шлюзов. Контрабандный рейд шёл по плану — ровно до того мгновения, когда в трюме, среди ящиков с кристаллами, Техник Лира пнула ногой тяжёлый ящик и выругалась:

— Тут что-то не то. Металл не звенит.

Эрсин Вэй спустился вниз, не снимая перчаток. В воздухе витал запах озона и гари — привычный аромат чужой беды. Ящик вскрыли. Внутри лежала шкатулка — чёрная, гладкая, будто отлитая из застывшей тьмы. А на крышке — герб дома Кассия: серебряный феникс, пронзённый тремя звёздами. Эрсин замер. Пятнадцать лет он не видел этого знака. Пятнадцать лет старался забыть.

— Что это? — спросил Борг, первый помощник, сжимая рукоять виброножа. — Ценная штука?

Эрсин не ответил. Он провёл пальцем по гравировке,

и металл отозвался едва слышным гулом, будто шкатулка узнала его. В груди кольнуло — не страх, а старая вина, тяжёлая, как корабельная броня. Дом Кассия. Семья, которую он поклялся защищать. Семья, которую предал, выбрав свободу пустоты и кличку «Ворон Чёрной пустоты».

— Убрать в сейф, — глухо бросил он. — Никому не трогать.

Лири прищурилась, но спорить не стала — она знала: когда капитан говорит так, лучше не задавать вопросов. Шкатулку унесли, а Эрсин остался стоять посреди трюма, вдыхая пепел, оседавший на губах, словно вкус забытых обещаний.

За иллюминатором Кальдера-9 медленно поворачивалась, и в её трещинах мерцали огни — чужие, хищные. Где-то там, среди шахт и теней, ждали те, кто не прощает долгов. И Эрсин знал: этот груз не просто артефакт. Это приглашение к расплате.

Выбор был прост и страшен: бросить шкатулку в реактор и стереть прошлое навсегда — или открыть её и встретиться лицом к лицу с тем, от чего бежал все эти годы. Долг перед командой требовал забыть. Долг перед собой — вспомнить.

Он поднял взгляд на тусклую звезду, что висела над горизонтом планеты, и прошептал в пустоту:

— Прости, дом Кассия. Я иду.

Глава 2. Закон стаи

«Лагуна» жила по своим законам — законам стаи: здесь

выживал не самый сильный, а тот, кто умел вовремя показать клыки и вовремя спрятать их. Станция висела в пустоте, словно ржавый хищник, облепленный пристройками, шлюзами и следами сотен стычек. Когда шлюз «Клыка кометы» со скрипом встал в гнездо, Эрсин уже чувствовал: воздух здесь стал гуще, пропитан подозрением и жаждой наживы.

Совет Капитанов собрался в «Костяной чаше» — зале, где стены были выложены пластинами брони с уничтоженных имперских крейсеров. На трибуне стоял Кракс — капитан «Грозового когтя», любимец толпы и главный сторонник Большого Набега. Его голос гремел, как орудийная очередь:

— Конвой идёт через сектор Дельта-Три. Груз — оружие, энергоядра, модули щитов. Достаточно, чтобы вооружить весь наш флот. Достаточно, чтобы Империя наконец поняла: мы не мусор у её порога!

Зал взорвался криками. Кто-то стучал кулаками по столам, кто-то выкрикивал имена кораблей, готовых к бою. В этом шуме тонули тихие голоса тех, кто чуял ловушку.

Эрсин стоял у дальней стены, скрестив руки. Он знал этот маршрут. Знал, что Империя не станет гнать ценный груз через уязвимый сектор без прикрытия. Слишком сладко предложение, чтобы быть правдой.

— Это ловушка, — произнёс он, когда гул немного стих. Его голос прозвучал негромко, но в зале вдруг стало тише. — Конвой — приманка. Нас ждут эсминцы, скрытые заслоны, автоматические турели в астероидах. Мы влетим в капкан и

сторим, прежде чем поймём, что произошло.

Кракс прищурился. На его лице мелькнула усмешка — холодная, как вакуум.

— А ты, Ворон, всё боишься за свою шкуру? Или за что-то другое? Может, совесть проснулась?

В зале снова зашептались. Слова Кракса падали точно в щели между старыми обидами и новыми страхами. Эрсин не дрогнул.

— Я боюсь не за себя. Я боюсь за тех, кто пойдёт за мной. За тех, кто поверит в эту сказку про свободу. Мы не станем пушечным мясом ради чужого трофея.

Борг, стоявший рядом, тихо сжал плечо капитана.

— Они не услышат, — прошептал он. — Им нужна кровь и добыча.

Но Эрсин уже шагнул вперёд, к трибуне.

— Если мы ударим сейчас, мы проиграем. Дайте мне три дня. Я найду подтверждение. Или опровержение. Если я не вернусь — голосуйте без меня.

Кракс расхохотался:

— Три дня? Да за три дня конвой уйдёт, а мы останемся с пустыми трюмами и пустыми обещаниями!

— Тогда пусть лучше будут пустые трюмы, чем пустые могилы, — спокойно ответил Эрсин.

Тишина накрыла зал, тяжёлая и колючая. В ней звенела не просто несогласие — в ней зрел раскол. Кто-то смотрел на Эрсина с уважением, кто-то — с ненавистью. Для одних

он был голосом разума, для других — препятствием на пути к богатству.

Когда Эрсин вышел из зала, за ним потянулась тень разногласий. Лира встретила его у шлюза, хмуро глядя на толпу, что уже шептала о трусости и предательстве.

— Ты знаешь, что они скажут, — тихо произнесла она. — Что ты тянешь время. Что ты не хочешь драться.

— Я хочу драться, — ответил Эрсин, глядя в чёрную прореху космоса за иллюминатором. — Но не с тенями. Не с тем, что нам подсунули.

Он коснулся кармана, где лежала миниатюра герба дома Кассия — единственное, что осталось от клятвы, которую он когда-то дал. Долг перед командой требовал идти в бой. Долг перед собой — остановить безумие. И сейчас эти два долга скрестились в нём, как клинки, и каждый удар отзывался болью.

— Поднимай экипаж, — сказал он Лире. — Мы летим к Дельта-Три. Не чтобы напасть. Чтобы увидеть правду.

Станция «Лагуна» провожала их огнями, похожими на хищные глаза. Где-то в этих тенях уже шептались о мятеже, о новом капитане, о том, что Ворон Чёрной пустоты утратил хватку. Но Эрсин знал: настоящая битва начнётся не здесь. Она начнётся там, где кончаются звёзды и начинается выбор, который нельзя отменить.

Шкатулка лежала на столе в капитанской каюте, будто сгусток тьмы посреди тусклого света. Эрсин провёл пальцем по замку — металл отозвался дрожью, словно помнил его прикосновение. Печать треснула с тихим хрустом, будто ломалась тонкая грань между прошлым и настоящим.

Внутри не было золота, не было оружия, не было ничего, что можно продать за долю в добыче. Только кристалл, мерцающий изнутри холодным, живым светом. Он пульсировал, как забытое сердце.

Эрсин коснулся его — и комната исчезла.

Перед ним возникла Амара. Не призрак, не тень — она была такой, какой он запомнил её в последний день: в плаще с серебряной вышивкой, с взглядом, в котором смешивались упрёк и нежность. Её голос звучал не в ушах — он звучал внутри, как эхо старой боли:

— Ты слышишь меня, Эрсин? Если ты видишь это, значит, время пришло. Или уже прошло.

Она улыбнулась, но улыбка вышла горькой.

— Кто-то открыл мою гробницу. Забрал то, что ты доверил мне. Не спрашивай, кто — я не знаю имени. Но я знаю, как он думает. Он знает, как ты смотришь на звёзды. Он знает твой путь до последней искры.

Кристалл замерцал, и на миг Эрсину показалось, что Амара протянула руку — но свет погас, и перед ним снова была только каюта, запах озона и тишина, ставшая вдруг слишком тяжёлой.

Борг стоял у двери, не решаясь войти.

— Что это было? — тихо спросил он. — Привидение?

— Хуже, — ответил Эрсин, не отрывая взгляда от кристалла. — Это долг, который вернулся.

Лира вошла следом, хмуро глянула на шкатулку.

— Если там нет денег, зачем нам это? — спросила она, но в голосе уже не было прежней бравады. — Что она сказала?

— Она сказала, что кто-то знает мой путь. Кто-то, кто понимает, как я думаю. И он уже сделал первый ход.

В каюте повисла тишина, густая, как смола. Каждый из них понимал: это не просто послание. Это предупреждение. И враг, который знает, как Эрсин смотрит на звёзды, знает и то, где он будет завтра.

Эрсин сжал кристалл в ладони. Холод проникал под кожу, будто пытался выстудить вину, которую он носил годами.

— Поднять щиты, — приказал он. — Перевести «Клык» на автономный режим. Никаких открытых каналов. Мы не летим на конвой. Мы летим туда, где всё началось — к руинам Кассийского форта.

Борг нахмурился:

— Это самоубийство. Там одни ловушки и память.

— Именно поэтому туда никто не пойдёт за нами, — отрезал Эрсин. — Никто, кроме того, кто знает мой путь. Пусть он придёт. Я встречу его лицом к лицу.

Лира молча кивнула и вышла, чтобы отдать приказы. Борг задержался на пороге.

— Ты уверен? — спросил он. — Может, лучше спрятать это. Забыть.

— Я пытался забыть, — тихо ответил Эрсин. — Двенадцать лет пытался. Но прошлое не прячется. Оно ждёт.

Он снова взглянул на кристалл, и в его глубине мелькнул отблеск далёких звёзд — тех самых, на которые он смотрел, когда давал клятву, изменившую всю его жизнь. Долг перед командой звал в бой за добычу. Долг перед Амарой вёл в руины, где его могли ждать только тени и смерть. И сейчас он знал: чтобы спасти тех, кто идёт за ним, ему придётся сначала встретиться с тем, кем он был.

«Прости, — прошептал он в пустоту каюты. — Я иду».

Глава 4. Мятеж тихой воды

Тишина на «Лагуне» стала опасной — она звенела, как натянутый трос перед разрывом. Эрсин чувствовал это кожей: в коридорах станции взгляды скользили мимо, голоса стихали при его приближении, а в воздухе витал запах предательства — горький, как перегоревший реактор.

Совет Капитанов собрался снова, но теперь зал «Костяной чаши» дышал не жаждой боя, а предвкушением смены власти. На трибуне стоял Корвус — его первый офицер, человек, которого Эрсин вытащил из обломков дрейфующего корвета семь лет назад, когда тот уже прощался с жизнью. Теперь Корвус смотрел на него не как ученик, а как судья.

— «Гончая» не пойдёт под флагом того, кто боится уда-

ритель, — голос Корвуса звучал ровно, без ярости — от этого он казался ещё страшнее. — Мы давали клятву стае. Мы клялись брать своё зубами и огнём. А теперь наш капитан тянет время, прячет нос в тень и шепчет о ловушках, будто мы дети, боящиеся темноты.

В зале прокатился гул — не возмущённый, а одобрительный. Слишком гладкий, слишком скоординированный. Эрсин не сводил глаз с Корвуса, пытаясь разглядеть в его лице хоть искру прежнего доверия, но видел только холодную решимость.

— Ты говоришь от имени команды? — спокойно спросил Эрсин. — Или от чьего-то ещё?

Корвус едва заметно дёрнул плечом — словно пытался стряхнуть вопрос, как каплю воды.

— Команда решила. Если ты не поддержишь Большой Набег, мы проголосуем за смену командира. Сегодня. Здесь.

Кто-то в задних рядах выкрикнул: «Справедливо!» — и этот крик подхватили, как сигнал к атаке. Эрсин ощутил, как сжимается кольцо. Это был не бунт стихийный — это была операция, выстроенная кем-то, кто знал, как бить точно и без жалости.

Борг, стоявший рядом, тихо процедил сквозь зубы:

— Это не Корвус. Кто-то купил его. Или купил его команду.

Эрсин кивнул. Он и сам это знал. Корвус не умел говорить чужими словами — а сейчас он повторял лозунги, будто за-

ученные наизусть. Кто-то дал ему цель, силу и право поднять голову. И этот кто-то хотел убрать Эрсина именно сейчас — когда в его кармане лежал кристалл с голосом Амары, когда он уже ступил на путь, который мог всё изменить.

— Я не боюсь удара, — произнёс Эрсин, и его голос, тихий, но твёрдый, перекрыл шум зала. — Я боюсь удара вслепую. Мы не станем наживкой для Империи. Не ради золота. Не ради славы.

— Тогда ты нам не капитан! — выкрикнул Корвус, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на боль — будто ему самому было горько произносить эти слова. — Ты стал тенью. Ты прячешь прошлое, а мы хотим будущего!

Зал взорвался криками. Одни требовали голосования, другие — боя, третьи — крови. Эрсин видел, как рушится то, что он строил годами: доверие, иерархия, неписанный кодекс стаи, где верность ценилась выше добычи.

Он шагнул к трибуне, не торопясь, будто шёл по минному полю.

— Дай мне одну ночь, — сказал он, глядя прямо в глаза Корвусу. — Не для себя. Для тех, кто идёт за мной. Если к рассвету я не докажу, что это ловушка, — я сам сложу полномочия. Пусть Совет выберет нового капитана. Но не сейчас. Не вслепую.

Корвус сжал кулаки, будто боролся с собой.

— У нас нет ночи. Конвой уйдёт.

— Значит, пусть уйдёт, — ответил Эрсин. — Лучше пу-

стой трюм, чем пустая могила.

Тишина обрушилась на зал внезапно, как вакуум. В этой тишине каждый услышал не слова, а то, что стояло за ними: капитан, который готов отдать власть, лишь бы не вести людей на смерть.

Лира, пробившаяся сквозь толпу, встала рядом с ним, положив руку на рукоять бластера.

— Мы уходим, — тихо сказала она. — Пока они не закрыли шлюзы.

Эрсин медленно кивнул. Он знал: если они сейчас уйдут, это будет расценено как бегство. Как слабость. Но если останутся — их сожгут изнутри, превратив стаю в свору.

— Поднять «Клык», — приказал он. — Полный ход к сектору Дельта-Три. Но не для атаки. Для разведки. Мы найдём заслоны. Мы найдём правду.

Когда они выходили из зала, за спиной шелестели шёпоты: «Трус», «Предатель», «Старик». Но Эрсин не оборачивался. Он знал, кто шепчет, и знал, чьим голосом они говорят. Тот, кто знает, как он смотрит на звёзды, не станет ждать. Он ударит там, где больше всего — по тем, кто ему верит.

В шлюзовом коридоре Корвус догнал его на мгновение, схватив за плечо.

— Прости, — прошептал он, и в этом «прости» было больше правды, чем во всех его речах перед Советом. — Мне сказали, что если я этого не сделаю, «Гончую» разберут на запчасти. Что моей команде не дадут шанса.

Эрсин не отдернул плечо. Он просто посмотрел на него — долго, тяжело.

— Кто сказал? — спросил он.

Корвус опустил глаза.

— Не знаю имени. Только голос. Тихий. Как вода перед штормом.

«Мятеж тихой воды», — пронеслось в голове Эрсина. Тот, кто не кричит, а шепчет. Тот, кто ломает изнутри.

— Держи свою команду, — тихо произнёс он. — И будь готов к тому, что правда окажется страшнее приказа.

Они разошлись. Эрсин поднялся на борт «Клыка кометы», чувствуя, как под ногами дрожит палуба — не от двигателей, а от напряжения, которое вот-вот прорвётся. Впереди ждала тьма сектора Дельта-Три, скрытые заслоны и враг, который знал его лучше, чем он сам.

Долг перед командой требовал остаться и принять правила стаи. Долг перед клятвой, данной Амаре, гнал вперёд — в самую гущу опасности, где только правда могла спасти их всех. И сейчас Эрсин понимал: чтобы сохранить верность, ему придётся преступить верность. Чтобы спасти стаю, ему придётся стать для неё чужим.

«Прости, — мысленно прошептал он, глядя на угасающие огни «Лагуны». — Но я должен увидеть звёзды».

Глава 5. Звёздные врата Моргана

Зал «Костяной чаши» гудел, как растревоженный улей.

После ухода Эрсина с Совета шёпот о его слабости успел превратиться в уверенные выкрики о трусости, а теперь он вернулся — и тишина обрушилась на зал, словно тяжёлый люк, отрезавший путь к отступлению.

Эрсин стоял у трибуны, прямой, будто клинок, воткнутый в палубу. На его лице не было ни вызова, ни страха — только холодная решимость человека, который уже сжёг за собой мосты.

— Я веду Большой Набег, — произнёс он, и каждое слово падало в тишину, как камень в тёмную воду. — Но маршрут будет моим. Мы пойдём через Звёздные Врата Моргана.

По залу прокатился ропот — сначала недоверчивый, потом испуганный. Кто-то даже отшатнулся, будто от пламени. Врата Моргана были легендой, которую шептали только вполголоса: аномалия, пожиравшая корабли, оставлявшая после себя лишь эхо сигналов и обломки, медленно дрейфующие в пустоте. Три корабля за сто лет — и ни одного выжившего. Так все думали.

Кракс, стоявший у края трибуны, прищурился, будто пытался разглядеть в словах Эрсина ловушку.

— Врата сокращают путь вдвое, — медленно проговорил он, словно пробуя фразу на вкус. — Если мы пройдем сквозь них, конвой не успеет уйти. Это... выгодно.

В его голосе звучало не одобрение, а расчёт. Для Кракса это был не риск — это была возможность. Возможность ударить быстрее, чем кто-либо успеет среагировать. Он не знал

главного: что Эрсин уже ходил этим путём. И выжил.

— Да, — спокойно подтвердил Эрсин. — Выгодно. Но никто не пойдёт туда без моего слова. Я веду флот. Мой курс. Мои решения. Если кто-то не согласен — пусть остаётся здесь.

Борг, стоявший позади, едва заметно покачал головой, но не возразил. Лира сжала кулаки, её взгляд метался между капитаном и толпой, выискивая угрозу в каждом лице. Она знала: когда Эрсин говорит так, спорить бесполезно. Он уже принял решение, и цена этого решения была ему известна лучше, чем кому-либо.

— Ты понимаешь, что говоришь? — наконец спросил Кракс, наклоняясь вперёд. — Через Врата не возвращаются.

— Возвращаются, — тихо ответил Эрсин, и в зале вдруг стало тише, будто все затаили дыхание. — Просто не все об этом знают.

Он не стал рассказывать, как пятнадцать лет назад его корабль нырнул в мерцающую пелену врат, как пространство вокруг исказилось, как звёзды на мгновение стали чужими, а время — тягучим, как смола. Не стал говорить, как он вынырнул на другом краю сектора, опоздав всего на несколько часов — на те самые часы, что решили судьбу дома Кассия. На те самые часы, из-за которых он не успел сдержать клятву.

Сейчас он шёл туда снова. Не ради славы, не ради добычи — ради того, чтобы дать команде шанс. Чтобы сократить

путь, ударить точно и уйти, прежде чем Империя обрушит на них всю свою мощь. И ещё — чтобы встретиться лицом к лицу с тем, что ждало его в той искривлённой пустоте. С тем, что, возможно, знало его лучше, чем он сам.

Совет проголосовал быстро — слишком быстро, чтобы это казалось случайным. Кракс поддержал план, и за ним потянулись остальные: жажда наживы заглушила страх. Флот готовился к выходу, корабли стягивались к точке сбора, двигатели ревели, пробуждаясь от долгого сна.

На борту «Клыка кометы» Эрсин стоял у главного иллюминатора, глядя на мерцающую дугу Звёздных Врат, похожую на разорванное небо. Лира подошла бесшумно, встала рядом.

— Ты был там, — не спросила, а утвердила она. — И выжил. Почему ты никому не сказал?

— Потому что никто не должен был знать, — ответил он, не отрывая взгляда от аномалии. — Это была моя тайна. Моя вина.

— А теперь ты ведёшь туда весь флот.

— Теперь у меня нет выбора, — тихо произнёс он. — Либо мы пройдем и ударим, либо нас сожгут на подлёте. Либо я спасу тех, кто идёт за мной, даже если для этого придётся снова пройти через ад.

Борг вошёл в рубку, кивнул капитану.

— Все на местах. Щиты подняты. Двигатели на пределе. Мы готовы.

Эрсин глубоко вдохнул, будто набираясь смелости перед прыжком в ледяную воду.

— Передай по флоту, — приказал он. — Курс на Врата. Держать строй. И... пусть никто не смотрит прямо в сердце аномалии. Говорят, она запоминает тех, кто смотрит ей в глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.